

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'42+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Янь Цюцзюй¹, Ирина Павловна Лысакова², Чжан Чуньсинь³✉

¹ Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, qiuju.yan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0134-0966>

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, lip1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-1187>

³ Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, xiner_00@163.com✉, <https://orcid.org/0009-0005-1572-6941>

Уникальная китайская концепция культуры честности и ее языковое оформление

АННОТАЦИЯ. Борьба с коррупцией и ее предупреждение имеют серьезное значение для правительств всех стран мира. Правительства достигли заметных успехов в борьбе с коррупцией и накопили ценный опыт в этой области. Китайское правительство постоянно усиливает работу по борьбе с коррупцией и после многолетних усилий успешно создало целостную систему пресечения и профилактики коррупции. В настоящее время Китай применяет традиционные меры к борьбе с коррупцией и активно исследует механизмы формирования культуры честности, учитывая китайскую специфику и ориентируясь на передовой мировой опыт антикоррупционной практики. В данной статье объектом исследования выступают антикоррупционная политика Китая и языковая структура культуры честности. Авторы раскрывают четыре этапа развития нормативно-правовой базы по противодействию коррупции. С опорой на теорию мультимодального метафорического анализа и модель соответствия проводится дедуктивный вывод скрытых смыслов, воплощенных в визуальных символах. Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) на основе политических документов Коммунистической партии Китая и правительства систематизированы и обобщены исторические этапы формирования антикоррупционного курса КНР и его характерные политические особенности; 2) посредством мультимодального метафорического анализа проводится дедуктивное выявление скрытых смыслов языка культуры честности и ее архитектоники как целостной системы. Результаты исследования показали следующее. 1. С момента основания КНР антикоррупционная нормативно-правовая база прошла четыре ключевых этапа. Каждый этап характеризуется отчетливо выраженными особенностями политического дискурса, демонстрируя эволюционный переход от «нормативного определения» через «карательные меры» и «предупреждение» к модели «коллективного управления с участием общества». 2. В сфере противостояния коррупции Китай пережил смену парадигм: от карательной практики к формированию культуры честности. Языковые модели, будучи ключевыми носителями культуры, через насыщенные художественные метафоры тонко передают национальное своеобразие. Целенаправленное конструирование семиотических кодов визуально воплощает идеалы честности и неподкупности, выявляя три отличительных аспекта: истории о неподкупных чиновниках Китая; полный учет контекстуальных факторов, формирующих языковой ландшафт; опора на богатый материал китайских мифов, басен, историй из чэньюй и других фольклорных источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, антикоррупционная политика, коррупция, борьба с коррупцией, культура честности, честное управление, честность власти, китайская специфика, органы государственной власти, государственное управление, языковая структура, языковой ландшафт, мультимодальный анализ, креолизованные тексты, национально-культурная специфика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Янь Цюцзюй, кандидат педагогических наук, профессор, Институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, email: qiuju.yan@mail.ru.

Лысакова Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: lip1010@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Чжан Чуньсинь, доктор филологических наук, профессор, Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета, Харбин, Китай, email: xiner_00@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке гранта Южно-Китайского исследовательского центра семиотики Коммерческого института Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; а также при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук — проект «Исследование истории русской лексикографии» (номер проекта: 19BYU208) и научного гранта 24-003А «Сравнительное исследование языковых ландшафтов Китая и России» (中俄语言景观对比研究).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Янь, Ц. Уникальная китайская концепция культуры честности и ее языковое оформление / Янь Цюцзюй, И. П. Лысакова, Чжан Чуньсинь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 213-222.

Yan Qiuju¹, Irina P. Lysakova², Zhang Chunxin³✉

¹ Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, qiuju.yan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0134-0966>

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, lip1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-1187>

³ Heilongjiang University, Harbin, China, xiner_00@163.com✉, <https://orcid.org/0009-0005-1572-6941>

A Unique Chinese Concept of Culture of Honesty and its Linguistic Expression

ABSTRACT. Combating and preventing corruption is of critical importance for governments worldwide. Governments have achieved notable successes in fighting corruption and have accumulated valuable experience in this field. The Chinese government has continuously intensified its anti-corruption activity and, after years of effort, has successfully established a comprehensive system of curbing and preventing corruption. Currently, China employs traditional anti-corruption measures while actively exploring mechanisms of fostering the culture of honesty, taking into account China's special characteristics and orienting towards the advanced international anti-corruption practices. The scope of research of this article covers China's anti-corruption policy and the linguistic structure of the culture of honesty. The authors describe four stages of the development of the normative-legal framework aimed to combat corruption. The author deductively reveals the hidden meanings embodied in visual symbols using the theory of multimodal metaphorical analysis and the mapping correspondence model. The scientific novelty of the research lies in the following: 1) based on the political documents of the Communist Party of China and the government, the study systematizes and summarizes the historical stages of the formation of China's anti-corruption policy course and its characteristic political features; 2) through a multimodal metaphorical analysis, the article deductively reveals the hidden meanings within the language of the culture of honesty and its architectonics as a holistic system. The research results show that the normative-legal framework has undergone four key stages since the foundation of the People's Republic of China (PRC). Each stage is characterized by distinct political discourse features, demonstrating an evolutionary progression from "normative definition" through "punitive measures" and "prevention" to the model of "collective governance with public participation". In the field of combating corruption, China has experienced a paradigm shift: from punitive practices to the formation of the culture of honesty. As key vehicles of culture, linguistic models subtly convey national distinctiveness through rich artistic metaphors. The purposeful construction of semiotic codes visually embodies the ideals of honesty and incorruptibility, revealing three distinctive aspects: stories of China's incorruptible officials; comprehensive consideration of contextual factors shaping the linguistic landscape; and reliance on the rich material of Chinese myths, fables, chengyu stories, and other folklore sources.

KEYWORDS: political discourse, political texts, anti-corruption policy, corruption, fighting corruption, culture of honesty, honest government, honesty of power, Chinese characteristics, organs of state power, state government, language structure, language landscape, multimodal analysis, creolized texts, national-cultural specificity.

AUTHOR'S INFORMATION: Yan Qiuju, PhD in Education, Professor, Western culture and language college, South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

Lysakova Irina Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: Zhang Chunxin, Doctor of Philology, Professor, Scientific Research Center of Russian Philology and Culture, Heilongjiang University, Harbin, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The article was supported by a grant from the South China Semiotics Research Center of the Nanguo Commercial Institute at the Guangdong University of Foreign Languages and International Trade; as well as with the financial support of the National Foundation for Social Sciences "Research on the History of Russian Lexicography" (project number: 19BY208) and the grant scientific 24-003A "Comparative Study of the linguistic Landscapes of China and Russia".

FOR CITATION: Yan Qiuju, Lysakova I. P., Zhang Chunxin. (2026). A Unique Chinese Concept of Culture of Honesty and its Linguistic Expression. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 213-222. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Предотвращение коррупции и борьба с ней представляют собой общемировую проблему. Как подчеркивает Председатель КНР Си Цзиньпин в труде «О самообновлении партии», «противодействие коррупции непосредственно определяет судьбу Партии и страны»¹. В ходе продолжительной борьбы с коррупцией в мире выработаны разнообраз-

ные эффективные методы ее искоренения. При этом, опираясь на взаимное изучение международного опыта, страны активно адаптируют его к национальным особенностям, формируя и развивая уникальные антикоррупционные стратегии [Го Юн, Ли, Шань 2024: 15]. В глобальной антикоррупционной практике законодательные решения и создание контролирующих органов стали универсальными мерами.

¹ Си, Цзиньпин. О самообновлении партии. — Пекин : Центральное литературное издательство : Издательство по вопросам партийного строительства, март 2023. = 习近平. 论党的自我革命[M]. 北京: 中央文献出版社, 党建读物出版社, 2023.3.

Наряду с нормативными законодательными актами огромную роль играют идеологические установки, поведенческие нормы и социокультурные ценности. Однако по мере углубления этой работы обнаруживается, что одного лишь совершенствования нормативной базы недостаточно. Параллельно с социально-экономическим развитием антикоррупционный нарратив, воплощаясь в новых языковых формах, активно интегрируется в повседневность, занимая заметное место в публичном пространстве [Хэ Цзэнкэ 2022: 7–8].

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДА ЭВОЛЮЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ КНР И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Китайская Народная Республика с момента основания в 1949 году прошла четыре этапа строительства системы борьбы с коррупцией, каждый из которых отражал характерные черты своей эпохи [Ли Сюэцин]. Эти этапы можно охарактеризовать следующим образом.

На первом этапе, с 1949 по 1978 год, были приняты Правила Китайской Народной Республики под названием «Положение КНР о наказании за коррупционные преступления» (1952).

На втором этапе, совпавшем с периодом реформ и открытости Китая, были обнародованы документы «Руководящие принципы внутрипартийной политической жизни» (1980), «Временное положение о государственной гражданской службе» (1993), «Уголовный ко-

декс КНР» (пересмотренная редакция 1997 г.), где впервые были систематизированы коррупционные составы преступлений.

Третий этап, охватывающий период с 2005 по 2017 год, был сосредоточен на создании комплексной системы борьбы с коррупцией и ее предотвращением. Ключевыми документами стали «Программный документ по созданию триединой системы (воспитание — институты — надзор) предупреждения и пресечения коррупции» (2005), «План построения антикоррупционной системы на 2008–2012» (2008), «План развития системы на 2013–2017» (2013), «Решение ЦК КПК по вопросам построения гармоничного социалистического общества» (2015).

На четвертом этапе, в период развития культуры честности и неподкупности (с 2018 года по настоящее время), были опубликованы «Мнения об укреплении развития культуры честности и неподкупности в новую эпоху» (2022) и «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении китайской модернизации» (2024). При этом основные антикоррупционные мероприятия и нормативные акты, опубликованные на соответствующих этапах, отличаются уникальными особенностями использования политического языка. Глубокий анализ этой политической риторики позволяет комплексно понять ключевые ориентиры борьбы с коррупцией на разных стадиях, эволюцию политической мысли; векторы развития государственной стратегии (см. Таблицу).

Таблица

Анализ разных этапов антикоррупционной политики Китая и интерпретация ее политико-языковых характеристик

Этап	Политический анализ	Семиотический анализ политического языка
Ранний этап становления КНР (1949–1978)	Четко определены понятия «коррупционное преступление» и «стандарты назначения наказания».	Сосредоточиться на «коррупции», то есть использовании власти для незаконного получения выгоды.
Период реформ и открытости (1978–2004)	Включение преступлений коррупции и взяточничества в Уголовный кодекс заложило правовую основу для борьбы с коррупцией. Одновременно с этим борьба с коррупцией начала выходить на уровень кодекса поведения, охватывающего членов Коммунистической партии Китая и государственных служащих.	Стремление к привилегиям и личной выгоде считается «позором» для членов партии; «справедливость и честность» стали нормой поведения государственных служащих; «взяточничество» отделено от «коррупции» и квалифицируется как отдельное преступление, что обогатило содержание борьбы с коррупцией.
Период создания системы борьбы с коррупцией и ее предотвращения (2005–2017 гг.)	Полностью развернуть систему борьбы с коррупцией и ее предотвращения, распространив борьбу с коррупцией на все общество.	От борьбы с коррупцией и наказания коррупционеров к созданию «системы наказания и предотвращения коррупции», Коммунистическая партия Китая продвигает «политическую честность» внутри партии и развивает «культуру честности» в обществе.
Период формирования культуры честности и неподкупности (с 2018 года по настоящее время)	Развивать культуру честности и неподкупности, создавать здоровую политическую среду.	Преобразование культуры честного управления в культуру честности.

В апреле 1952 года Китай принял и ввел в действие «Положение о борьбе с коррупцией в Китайской Народной Республике», что ознаменовало появление первого с момента основания КНР государственного законодательства по борьбе с коррупцией. Историческим фоном для принятия этого закона послужила Корейская война, разразившаяся в 1950 году, которая потребовала от Китая огромных финансовых и людских затрат. Принятие и введение в действие этого закона фактически служило основной задачей увеличения производства и экономии, направленной на обеспечение достаточных ресурсов для ведения войны. В этот период основное внимание в борьбе с коррупцией уделялось уголовному преследованию и наказанию за коррупционные преступления, а в политическом дискурсе особо подчеркивалось различие между «расточительством» и «бюрократизмом». В декабре 1978 года Китай начал проводить политику внутренних реформ и открытости для внешнего мира, а также постепенно продвигал всестороннюю трансформацию рыночной экономики.

В период реформ и открытости китайская экономика быстро развивалась, а законодательство по борьбе с коррупцией было усовершенствовано. Еще более значимым стал тот факт, что борьба с коррупцией стала проводиться на уровне кодекса поведения: членам Коммунистической партии Китая было предписано исправить ошибочное представление о наличии особых прав, а государственным служащим — руководствоваться принципами честности и беспристрастности.

«Программа по созданию и совершенствованию системы наказания и предотвращения коррупции, уделяющая равное внимание образованию, институтам и надзору» является знаковым документом, который знаменует собой начало комплексного построения системы борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике с момента ее основания. С 2005 года Китай постепенно расширил работу по предотвращению коррупции и поощрению честности и неподкупности с Коммунистической партией Китая и государственных служащих на все общество и стал продвигать создание системы наказания и предотвращения коррупции, сосредоточив внимание на таких основных областях: просвещение и пропаганда, законодательство и нормативные системы, надзор и ограничение полномочий, реформа судебной и административной систем, построение партийной этики и честности, правоприменение и наказание. Эти меры также стали важной

частью построения «гармоничного общества», продвигаемого на данном этапе.

Система борьбы с коррупцией и ее предотвращение были официально запущены в 2008 году и за десять лет были реализованы в два этапа. В течение последних пяти лет работа по реализации перешла от создания базовой структуры к усилению мер по борьбе с коррупцией и формированию стиля работы, основанного на честности и неподкупности. Следует отметить, что в этот же период с углублением международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции, в китайскую антикоррупционную политику и нормативно-правовую базу стали интегрироваться и новые политические термины. Например, в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции широко используется политический термин «конфликт интересов». Под «конфликтом интересов» понимается ситуация и поведение, когда государственные служащие в процессе выполнения своих обязанностей подвергаются влиянию личных интересов, что приводит к конфликту между личными и общественными интересами. В частности, с 1985 года, когда правительство Канады первым разработало «Положение о конфликте интересов», многие страны последовательно приняли аналогичные законы и нормативные акты [Тан Сяоцин 2011: 135]. Китай ратифицировал эту конвенцию в 2005 году, и 12 февраля 2006 года она официально вступила в силу в нашей стране.

В документе «Некоторые принципы честного и неподкупного поведения руководящих работников Коммунистической партии Китая», опубликованном и вступившем в силу в 2010 году, четко указано: «Не допускаются следующие действия: разрешение, поощрение супругов, детей и их супругов после регистрации в другом месте заниматься коммерческой деятельностью, вести предпринимательскую деятельность, которая может вступать в конфликт с общественными интересами, в пределах территории и сферы деятельности, находящейся под юрисдикцией данного лица» [Китайский издательский дом по правовым вопросам, 2011]. Из этого следует, что по мере углубления международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией страны все больше заимствуют друг у друга не только виды деятельности, но и политическую терминологию, что отражает постепенное сближение идеологии.

В 2022 году публикация документа «Мнение об укреплении культуры честности и неподкупности в новую эпоху» ознамено-

Рис. 1. Языковой ландшафт с узором, содержащим на окне иероглиф «廉» (честность)

вала перенос акцента в антикоррупционной работе Китая на формирование «культуры». Внутри Коммунистической партии Китая продолжается работа по укреплению «честности и неподкупности», но ее основная задача изменилась от регулирования поведения и осуществления надзора к честности и самодисциплине. В то же время вне партии активно продвигается идея создания «культуры честности» в обществе в целом, которая рассматривается как неотъемлемая часть «китайской модернизации». В результате все больше в повседневную жизнь людей входят выражения, связанные с «культурой честности», направленные на формирование их сознания [Дун Цзюань 2024].

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЧЕСТНОСТИ В КНР И ЕГО МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Путь построения культуры честности в Китае находится в процессе постоянного поиска и развития. Одним из ключевых направлений является интеграция концепции «честность» с традиционной китайской культурой, что стимулирует творческое преобразование и инновационное развитие выдающихся культурных традиций. В результате рождается множество новых языковых ландшафтов, освежающих восприятие общества.

Понятие языкового ландшафта было впервые введено канадскими исследователями Ландри и Бурьисом в 1997 году в их работе «Языковой ландшафт и этнолингвистическая жизнеспособность». Согласно их определению: «Языковой ландшафт представляет собой совокупность языковых элементов на публичных указателях, рекламных щитах, уличных и топографических названиях, вывесках коммерческих заведений, а также на правительственных зданиях» [Landry, Bourhis 1997].

В настоящее время среди ученых нет единого, общепризнанного определения термина «языковой ландшафт». Согласно трактовке Лю Лифэня, языковой ландшафт состоит из вербальных и/или невербальных символов, причем вербальные символы воплощаются в письменной форме в виде слов, а невербальные включают графику, изображения, диаграммы, цвета, освещенность, тип носителя и другие средства выражения смысла [Лю Лифэнь 2022]. В 2020 году китайский исследователь Чжан Тяньвэй постулировал: «Языковой ландшафт воплощает синергическое взаимодействие языка, социума, географии и визуальной коммуникации» [Чжан Тяньвэй 2020]. В рамках языкового ландшафта использование языка является не только инструментом коммуникации, но и средством трансляции культурной символики, идентичности и социальных структур [Gorter 2006]. В языковых ландшафтах культурные ресурсы охватывают множество аспектов: культурные символы, визуальные элементы, историческую память, пространственную организацию и физическую среду [Jaworski, Thurlow 2010].

На Рисунке 1 запечатлена крытая галерея в парке Сяоган (г. Гуанчжоу, пров. Гуандун, КНР). Данный языковой ландшафт демонстрирует искусный синтез китайского иероглифа 廉 (честность) с традиционным искусством вытинанки (декоративного вырезания из бумаги). Внутри внешней квадратной рамки расположен круглый орнамент, вырезанный из бумаги. Эта композиция воплощает классическую китайскую философскую концепцию «круглое небо — квадратная земля» (天圓地方), символизирующую гармонию мироздания.

В левой части композиции внутренний слой вытинанки ярко визуализирует иероглиф 廉 (Лянь, честность), тогда как в правой

части узор графическим контуром очерчивает лексему 廉政 (Ляньчжэн, честное управление). При этом кольцевой орнамент содержит изображение лотоса. В китайском языке слова «莲» (пиньинь: lián, лотос) и «廉» (пиньинь: lián, честность) являются омофонами, что символизирует чистоту и неподкупность. Внешний контур вытинанки обрамлён зеленой деревянной рамой в стиле классического китайского садового окна. Установленная в галерее, композиция создает эффект иллюзорного окна в стене, искусно направляя визуальный фокус зрителя к центральным иероглифам узора.

На Рисунке 2, также снятом в крытой галерее парка, в правом сегменте представлены иероглифы «扬清风» (ян цинфэн), написанные традиционной кистью. Эта надпись символизирует утверждение в обществе атмосферы честности и неподкупности.

С левой стороны подвешена картина в стиле китайской традиционной живописи *шаньшуй*, где отчетливо изображенные темно-зеленые горы и выносливые сосны символизируют дух нравственной чистоты и честности. Позади этих картин, в центре галереи, высажен бамбук, символизирующий стойкость моральных принципов и прямое благородство характера — традиционный китайский символ непреклонной честности. Каллиграфические произведения и живопись, нахо-

дясь в гармоничном взаимодействии с бамбуковыми насаждениями парка, совместно воплощают глубинный символический смысл неподкупности и моральной чистоты.

Когда политический дискурс предстоит оформить как языковой ландшафт и предполагается его широкое общественное признание, главной задачей становится решение вопроса о том, каким образом визуализировать этот дискурс. Политико-культурная пропаганда, осуществляемая через языковой ландшафт, существенно отличается от подачи учебного материала через учебники в классе. Данный процесс во многом зависит от пространственного контекста (от окружающего пространства) и требует выявления точек соприкосновения между идеями, передаваемыми языком, и национальной культурой, интегрируя их в формы, принимаемые населением.) Тем самым политико-культурная пропаганда не только направляет аудиторию к глубокому осмыслению, но и пробуждает в ней чувство культурной самоидентификации и национальной сопричастности.

Фото 3 сделано у озера Цяньдэнху в городе Фошань (провинция Гуандун). Это место не только служит излюбленной зоной отдыха для местных жителей, но и окружено многочисленными оживленными торговыми районами. Данный языковой ландшафт воплощен в виде металлической скульптуры.

Рис. 2. Языковой ландшафт: каллиграфическая композиция «Ян Цинфэн» в технике живописи тушью шаньшуй

Рис. 3. Приозерный языковой ландшафт: символ «Сечжи — Честность»

Рис. 4. Модель анализа и мэппинга мультимодальной метафоры в языковом ландшафте «Се Че — Честность»

Применение проекционной модели мультимодального метафорического анализа позволяет глубже раскрыть и понять скрытое значение композиции. Концептуальная теория метафоры, предложенная Ла-

коффом и Джонсоном в их классическом труде «Метафоры, которыми мы живём» (1980 г.), постулирует, что метафора — не просто языковой троп, но фундаментальный когнитивный механизм человеческого мыш-

ления. Концептуальная метафора реализуется через презентацию исходной области (source domain), перенося ее характеристики на целевую область (target domain), что обеспечивает осмысление концепта целевой области [Lakoff, Johnson 1980]. Ранняя концепция теории метафоры ограничивалась изучением мономодальных метафор, фокусируясь преимущественно на механизмах проекции между языковыми единицами. В 1996 году Форсвилл и его коллеги расширили теорию концептуальной метафоры до сферы мультимодальных исследований, разработав метод анализа мультимодальных метафор. Форсвилл определяет «модальность» как тип знаковой системы, используемой для выражения метафоры, включающий различные символы — визуальные образы, звуки, вербальные знаки и т. д., — формируемые при восприятии мира через органы чувств (такие как зрение, слух, осязание и др.). [Forceville 2009].

На Рисунке 4 представлен комплексный анализ различных модальностей, составляющих языковой ландшафт, включая невербальные знаки (такие как узоры, цвет, форма и т. д.) и вербальные знаки. Цель анализа — исследование их соотношения (мэппинга) и вклада в формирование значения целевой области.

В китайских мифах и легендах, когда между людьми возникали конфликты или споры, мифическое существо Се Че (獬豸), символ справедливости, своим рогом указывало на неправую сторону. Если же оно обнаруживало нечестивого чиновника, то немедленно сбивало его рогом. В языковом ландшафте «Се Че — Честность» мифическое существо Се Че (獬豸) застыло в торжественной позе, словно всевидящим взором оценивая, соблюдают ли люди перед ним принцип «самоограничения и служения обществу». А изображенные справа на нефритовом блюде благоприятные облака воплощают сакральное значение «Честности» и ее притягательные добродетели.

В целом данный языковой ландшафт не только создает торжественно-предостерегающую атмосферу, но и воплощает непоколебимую преданность благородным идеалам. Скульптурная композиция, гармонично сочетающаяся с окружением торгового района и природными пейзажами, усиливает эстетическое воздействие за счет взаимного дополнения.

Исследование креолизованных текстов в России началось в конце XX века. В 1990 году

Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов предложили ставшее классическим определение: «Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180–186]. В настоящее время существует обширный корпус исследований, посвященных креолизованным текстам. Значительное количество работ выполнено в русле функционального подхода к анализу текста: исследователи рассматривают роль вербального и визуального компонентов в создании целостного креолизованного текста, а также специфику реализации текстовых категорий на материале текстов различных стилей и жанров.

Опираясь на указанные теоретические предпосылки, в данной работе применяется многоступенчатая методика анализа креолизованных текстов, репрезентирующих культуру честности в Китае.

Анализ корреляции вербального и визуального компонентов

На данном этапе описывается характер связи между текстом и изображением. Используя классификацию, предложенную в работах А. Н. Баранова и П. Б. Паршина [Баранов, Паршин 2018: 6–15], мы выделяем типы взаимодействия кодов: автосемантические (изображение автономно по отношению к тексту) и синсемантические (изображение и текст взаимодополняют друг друга и не могут существовать раздельно). Для анализа китайской культуры честности ключевое значение имеет выявление синсемантических связей, при которых визуальный образ непосредственно отсылает к историческому нарративу или чэньюй.

Анализ паралингвистических и семиотических средств

Данный этап предполагает детальную характеристику выразительных средств невербального компонента. В основе анализа лежат идеи И. Э. Клюканова¹ о параграфемных элементах, а также классификация невербальных средств (супраграфемика, топографемика, хромографемика), разработанная в теории креолизованных текстов [Анисимова 2003]. Детальный анализ хромографемики и графических метафор проводится с опорой на методику исследования креолизованных текстов, предложенную М. Б. Ворошиловой [Ворошилова 2007: 180–189]. В контексте китайской антикоррупционной

¹ Клюканов, И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Клюканов Игорь Энгелевич. — Калинин, 1983.

символики особое внимание уделяется хромографемике (символике цветовых решений) и анализу графических метафор.

Выявление скрытых смыслов и мультимодальных метафор

На заключительном этапе осуществляется интерпретация выявленных средств с целью раскрытия имплицитных смыслов. Вслед за С. Л. Мишлановой и К. О. Ветровой [Мишланова, Ветрова 2022: 9–18], мы рассматриваем креолизованный текст как развернутую метафору. Это позволяет определить, какие культурные коды (исторические сюжеты о неподкупных чиновниках, мифологии, чэньюи) стоят за визуальными образами и формируют уникальную семиотику китайской культуры честности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путем систематизации эволюции антикоррупционной политики после основания КНР и углубленного анализа политического языка нормативных документов на различных этапах, мы выявили поступательную трансформацию борьбы с коррупцией: от первичного определения понятий к карательно-правоприменительной фазе, затем к превентивным мерам, и наконец — к модели социального соуправления.

Соответственно, эволюционировала и используемая знаковая политическая лексика от «борьбы с казнокрадством» к «справедливости и чистоте», далее к «партийной морали и честности», и окончательно кристаллизовалась в концепт «культуры честности». Эта семантическая трансформация наглядно демонстрирует прогресс Китая в сфере антикоррупционной деятельности — от карательных мер к культурному строительству, отражая глубокие исторические сдвиги. Языковой ландшафт, как ключевой носитель и медиатор культуры, играет уникальную роль в данном процессе.

В заключение отметим, что языковые ландшафты культуры честности с китайской спецификой формируются как три взаимосвязанных типа:

1) жанр исторической дидактики. Создание языковых ландшафтов на основе биографий чиновников-аскетов традиционного Китая, визуализирующее их неподкупность и самодисциплину через скульптурные композиции и просветительские стенды. Эта форма обеспечивает интуитивную понятность моральных принципов, эффективно транслируя идеалы служения без коррупции;

2) учет окружающей среды, на фоне которой размещается языковой ландшафт и использование метафор, заложенных в элементах этой среды, позволяют выявлять

идею честности и неподкупности. Например, в парке реализуется лингво-ландшафтная связка: за счет идентичного звучания 莲 lián («лотос») и 廉 lián («неподкупность») и через форму бамбука с членистыми стеблями, называемыми 节 jié («членик»; ассоциируемыми с моральной стойкостью и принципиальностью) отражается соблюдение принципов. Таким образом формируется тонкое отображение идеи. Подобные языковые ландшафты часто используют новаторские подходы, искусно интегрируя техники китайского нематериального культурного наследия (такие как традиционное ручное вырезание из бумаги, живопись тушью и керамические ремесла), чтобы живо воплотить метафорическое содержание;

3) опора на богатый материал китайских мифов, басен и историй, связанных с идиоматическими выражениями (чэньюи), умело отобранными и глубоко интегрируемыми с классической китайской философией. Использование метафорических приемов в конкретной среде формирует у аудитории соответствующие ассоциации, которые затем направляют ее размышления к более глубокому осмыслению идей честности, порядочности и неподкупности.

Построение таких языковых ландшафтов требует не только использования мультимодальной метафоры для визуализации абстрактного политического понятия «честность, порядочность и неподкупность», но и инновационного интегрирования традиционной китайской культуры в сам процесс метафорического отображения, чтобы усилить чувство национальной идентичности и сопричастности. Создание языковых ландшафтов культуры неподкупности сопряжено с определенными трудностями, однако эти трудности открывают новые возможности для когнитивного развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова, Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — 1996. — № 5. — С. 74–85. — EDN XNPPTZ.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7695-0961-9. — EDN YWOTPL.
3. Баранов, А. Н. О метаязыке описания визуализаций текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 3. — С. 6–15. — DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1. — EDN VMXGFM.
4. Ветрова, К. О. Креолизованный текст как метафора / К. О. Ветрова, С. Л. Мишланова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2022. — № 1. — С. 8–19. — DOI 10.15593/2224-9389/2022.1.1. — EDN FHUXGQ.
5. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2007. — № 1 (21). — С. 75–80. — EDN JVZALX.

6. Го, Юн. Высококачественное развитие дисциплины первого уровня «Исследования в области дисциплинарного контроля и надзора»: основные задачи, внутренние механизмы и пути продвижения / Го Юн, Ли Шань // Исследования в области честности и неподкупности. — 2024. — № 01. — С. 15–35, 230–231. = 过勇, 李尚翼. 高质量发展纪检监察学一级学科: 核心任务、内在机制与推进路径[J]. 廉政学研究, 2024,(01):15-35+230-231.

7. Дун, Цзюань. Введение в превосходную традиционную культуру чистоты и честности Китая / Дун Цзюань. — Гуанчжоу: Гуандунское народное издательство, 2024. = 董娟. 中华优秀传统文化概论[M]. 广州: 广东人民出版社, 2024.

8. Ли, Сюэцин. Теоретические изыскания и рабочие исследования в области культуры чистого правительства и культуры чистоты / Ли Сюэцин // Исследование культуры чистого управления. — 2022. — Т. 13, № 02. — С. 1–3. = 李雪勤. 关于廉政文化与廉洁文化的理论探索和工作研究[J]. 廉政文化研究, 2022,13(02):1-3.

9. Лю, Лифэнь. Семиотическая интерпретация лингвистического ландшафта / Лю Лифэнь, Чжан Ли // Китайский журнал социальных наук. — 2022. — № 3. — С. 2–8. = 刘丽芬, 张莉. 语言景观符号学阐释[N]. 中国社会科学报, 2022-02-08(003).

10. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва: Ин-т языкознания РАН, 1990. — С. 180–186.

11. Тан, Сюэцин. Системы предотвращения конфликтов интересов: опыт и выводы из международных усилий по борьбе с коррупцией / Тан Сюэцин, Ян Шаохуа // Современный мир и социализм. — 2011. — № 02. — С. 135–139. = 唐晓清, 杨绍华. 防止利益冲突制度: 国际社会廉政建设的经验及启示[J]. 当代世界与社会主义, 2011,(02):135-139.

12. Форсвилл, К. Метафоры в рекламе: роль визуальных образов: пер. на кит. яз. / К. Форсвилл, Уриос-Апариси. — Лондон: Ратледж, 1996. = 福塞维尔. 广告中的图画隐喻[M]. 伦敦: 劳特利奇出版社, 1996:37-156.

13. Хэ, Цзэнкэ. Создание культуры честности: важнейший путь к модернизации национального управления / Хэ Цзэнкэ // Исследования в области культуры честности. — 2022. — Т. 13, № 02. — С. 7–8. = 何增科. 廉洁文化建设是国家治理现代化的重要途径[J]. 廉政文化研究, 2022,13(02):7-8.

14. Чжан, Тяньвэй. Новые пути, методы и теоретические достижения в исследовании лингвистического ландшафта / Чжан Тяньвэй // Исследования в области языковой стратегии. — 2020. — № 4. — С. 48–60. = 张天伟. 语言景观研究的新路径、新方法 with 理论进展[J]. 语言战略研究, 2020(4):48-60.

15. Backhaus, P. Multilingualism in Tokyo: A look into the linguistic landscape / P. Backhaus // International Journal of Multilingualism. — 2006. — Vol. 3, Iss. 1. — P. 52–66. — DOI 10.1080/14790710608668385.

16. Forceville, C. (Eds.). Multimodal metaphor / C. Forceville, E. Urios-Aparisi. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. — ISBN 9783110215366.

17. Gorter, D. Linguistic landscape: A new approach to multilingualism / D. Gorter. — Multilingual Matters Ltd., 2006. — 89 p. — ISBN 9781853599163.

18. Jaworski, A. Semiotic landscapes: Language, image, space / A. Jaworski, C. Thurlow. — New York: Bloomsbury Academic, 2010. — 298 p. — ISBN 9781847061829.

19. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press; London, 1980. — 242 p. — ISBN 0-226-46801-1.

20. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Lan-

guage and Social Psychology. — 1997. — Vol. 16, Iss. 1. — P. 23–49. — DOI 10.1177/0261927X970161002.

REFERENCES

1. Anisimova, E. E. (1996). O tselostnosti i svyaznosti kreolizovannogo teksta (k postanovke problemy) = About the integrity and coherence of a creolized text. Towards the formulation of the problem. *Philological Sciences*, 5, 67–75. Tambov: Gramota Publ.

2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Academia, 107 p.

3. Baranov, A. N., Parshin, P. B. (2018). O metazyazyke opisaniya vizualizatsiy teksta = On the metalanguage of text visualization description. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 17(3), 6–15.

4. Vetrova, K. O., Mishlanova, S. L. (2022). Kreolizovannyi tekst kak metafora = Creolized text as a metaphor. *Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy*, 1.

5. Voroshilova, M. B. (2007). Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya = Creolized text: aspects of study. *Political linguistics*, 20, 180–189.

6. Guo Yong, Li Shangyi (2024). High-Quality Development of the First-Level Discipline of Discipline Inspection and Supervision Studies: Core Tasks, Internal Mechanisms, and Advancement Pathways. *Research on Integrity Studies*, 01, 15–35+230–231.

7. Dong Juan (2024). An Introduction to China's Outstanding Traditional Integrity Culture. Guangzhou: Guangdong People's Publishing House.

8. Li, Xueqin (2022). Theoretical Exploration and Practical Research on Integrity Culture and Clean Governance Culture. *Research on Integrity Culture*, 13(02), 1–3.

9. Liu LiFen, Zhang Li (2022). Semiotic interpretation of linguistic landscape. *China Social Science Journal*, 02–08(003).

10. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya = Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact*, 180–186. Moscow: Institute of Linguistics RAS.

11. Tang Xiaoqing, Yang Shaohua (2011). Systems for Preventing Conflicts of Interest: Experiences and Insights from International Anti-Corruption Efforts. *Contemporary World and Socialism*, 02, 135–139.

12. Forceville, C. E. (1996). The picture metaphor in the advertisement. London: Routledge Press.

13. He Zengke (2022). Building a Culture of Integrity: A Key Pathway to Modernizing National Governance. *Research on Integrity Culture*, 13(02), 7–8.

14. Zhang Tianwei (2020). New Pathways, Methods, and Theoretical Advances in Language Landscape Research. *Language Strategy Research*, 4, 48–60.

15. Backhaus, P. (2006). Multilingualism in Tokyo: A look into the linguistic landscape. *International Journal of Multilingualism*, 3(1), 52–66.

16. Forceville, C., Urios-Aparisi, E. (Eds.). (2009). Multimodal metaphor. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

17. Gorter, D. (2006). Linguistic landscape: A new approach to multilingualism. Multilingual Matters Ltd.

18. Jaworski, A., Thurlow, C. (2010). Semiotic landscapes: Language, image, space. New York: Bloomsbury Academic.

19. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press; London, 242 p. ISBN 0-226-46801-1.

20. Landry, R., Bourhis, R. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1), 23–49.